

В полшестого вечера как раз закончилось пятое занятие в военной академии Кайос. На фоне слегка мрачного неба заморосил холодный, мелкий, колючий дождь.

У ворот Второго корпуса было шумно и многолюдно. Этот небольшой дождь не мог погасить молодую энергию: юноши и девушки группами по три-пять человек несли сумки, переговаривались, смеялись и покидали это здание цвета латуни, быстрым шагом направляясь к общежитиям или за ворота академии.

Последним медленно шел белокожий, миловидный черноволосый юноша, чье телосложение казалось довольно хрупким и худым. Лицо его оставалось спокойным, а рядом не было спутников.

Вдруг сзади подбежал маленький толстяк с рыжевато-каштановыми волосами, сильно хлопнул его по плечу и фальшиво улыбнулся:

— О, разве это не наш дефектный человек? Все еще держишься и ходишь на занятия во Второй корпус?

Цзян Цзяньмин поднял голову, но собеседник вместе с несколькими спутниками уже с хохотом убежал под дождь.

— Ха-ха-ха, по крайней мере, его упорство заслуживает похвалы...

— Посмотрим, как он разрыдается, когда начнется аттестация по практическому бою.

Выражение лица черноволосого юноши по-прежнему не изменилось, но он еще долго неподвижно стоял в одиночестве перед учебным корпусом. Многие студенты проходили мимо, бросая на него мимолетные взгляды, словно ожидали увидеть посмешище.

Когда вокруг почти никого не осталось, он наконец пришел в себя, потянул воротник повыше, застегнул самую верхнюю пуговицу, взял стоявший рядом зонт и шагнул в холодную пелену дождя.

В этом году зима наступала с опозданием. Когда температура упадет еще немного, должен пойти снег.

Цзян Цзяньмин поднял лицо, беззвучно выдохнул облачко белого пара и вдруг замер, слегка наклонив край зонта.

В тени деревьев за воротами академии стоял знакомый летательный аппарат. Окна с защитой от посторонних глаз скрывали сидевшего внутри водителя.

Цзян Цзяньмин быстро подошел. Взволнованно оглядевшись вокруг и убедившись, что прохожих нет, он наклонился, постучал в окно и приглушил голос:

— Маленький принц?

Никто не ответил, но почти сразу раздался щелчок — сработал замок пассажирской двери летательного аппарата.

Цзян Цзяньмин по привычке сначала закрыл зонт. Едва капли дождя успели пролиться на его голову, как дверь летательного аппарата распахнулась изнутри, и пальто резко втянуло его внутрь.

В тесном салоне летательного аппарата к нему придвинулся юноша. Он практически обнял его и усадил на внутреннее сиденье.

— Цзян, не мокни под дождем, — белокурый кудрявый маленький наследный принц выглядел сурово. — Я еще в прошлый раз говорил, тебе нужно помнить: сначала открывай дверь, а потом закрывай зонт.

Изнутри пахло теплом, и Цзян Цзяньмин в то же мгновение почувствовал, что ожил.

Он с облегчением вздохнул, сложил свой мокрый маленький черный зонт и, изогнув брови, мягко сказал сидевшему рядом:

— Ничего страшного, я не сильно промок. К тому же, разве я не боялся, что нас увидят другие?

Лайан:

— Увидят и что с того? Я что, постыдное зрелище?

Цзян Цзяньмин:

— ... Наследный принц, который то и дело забывает на важные дела и сбегает ко мне — вы сами как думаете, это прилично?

Мелкий дождь барабанил по движущемуся летательному аппарату.

Пейзаж по обе стороны дороги медленно плыл мимо. Стекло окна запотели, и по ним, словно слезы, стекали капли воды.

Лайан сначала тихо хмыкнул, напряженно помолчал несколько секунд, а затем неловко объяснил, что, по крайней мере, сегодня это было нормальное свободное время, и он даже заранее забронировал для них двоих столик в ресторане на ужин.

Цзян Цзяньмин не удержался от улыбки. Он протянул руку и пригладил длинные волосы, которые Его Высочество откинул в сторону, подумав: «Какой же милый».

Естественно вьющиеся белокурые длинные волосы были очень пышными, а благодаря благородному и уникальному статусу их владельца — ухоженными, гладкими и мягкими. Стоило провести по ним рукой, как кончики пальцев, казалось, впитывали аромат золотых роз императорского дворца.

— ? — наследный принц в изумлении слегка округлил глаза. Никто из ровесников никогда не осмеливался так бесцеремонно к нему прикасаться, да и не из ровесников тоже.

Цзян Цзяньмин совершенно не осознавал этого и даже не удержался, чтобы не погладить еще пару раз, погрузившись в маленькое чувство удовлетворения.

На самом деле ему давно хотелось погладить их. Теперь, когда их отношения стали ближе, наконец-то можно... Хм, на ощупь они оказались точно такими же великолепными, как он

втайне себе и представлял.

Лайан поджал губы. Глядя на редкое радостное выражение лица Цзян Цзяньмина, он между раздражением и потаканием выбрал последнее.

Ладно, редкий новый опыт — это, кажется, не так уж плохо.

Его Высочество наследный принц как ни в чем не бывало продолжил вести летательный аппарат:

— Каково это — ходить на занятия по мехам во Втором корпусе?

— Вполне нормально. У меня раньше была некоторая база, так что курс несложный.

— Я, конечно, знаю, что сам курс для тебя несложный. Я спрашиваю о другом.

Движение пальцев Цзян Цзяньмина, перебиравших кончики волос собеседника, на мгновение замерло. Он задумчиво произнес:

— Хм... О другом? Тоже вполне нормально.

— «Вполне» нормально? — взгляд Лайана тут же потемнел, и он перехватил свои волосы обратно, не давая больше играть. — Кто-то издевался над тобой?

— До этого не дошло. Но то, что дефектный человек вдруг оказался выбранным на этот курс, вполне естественно вызывает недовольство у разных высокомерных баловней судьбы. Вот пройду открытую аттестацию, и все наладится.

Лицо Лайана стало еще мрачнее.

Цзян Цзяньмин, напротив, улыбнулся, изогнув губы:

— Ох, не смотрите на меня так. Вы ведь и сами знаете, что в академии Кайос строгая дисциплина, никто не посмеет сделать что-то по-настоящему. Максимум пошепчутся за спиной, а мне все равно.

— К тому же Его Высочество, возможно, не знает, но я на самом деле...

Курсант академии поднял голову, его глаза отливали глубоким черным блеском, и он улыбнулся:

— ...иногда бываю довольно расчетливым.

Довольно забавно, но казалось, что у многих людей при первом взгляде на его внешность и манеры складывалось впечатление, будто он холодный, сдержанный «белый лотос» — из тех упрямых, одиноких людей, которых так и хочется пожалеть.

Но реальность была противоположной. Являясь дефектным человеком без власти и связей, Цзян Цзяньмин отчетливо понимал важность расчета, тактики и использования внешних сил.

В прошлый раз кто-то действительно пытался подкараулить его за воротами академии. Он притворился, что ничего не знает, и сделал звонок Тан Чжэню. Те парни тут же струсили, с

натянутыми улыбками изобразили случайную встречу, поздоровались и уныло сбежали.

Связываться с молодым господином из потомственной военной семьи Тан они, естественно, не осмелились.

Цзян Цзяньмин тоже проявил тактичность и не стал говорить обо всем прямо. Если бы он сказал правду, Тан Чжэнь наверняка сразу же бросился бы туда, чтобы подраться с людьми. Тогда ситуацию было бы не взять под контроль, а в этом не было необходимости.

В сумерках дождь все еще продолжался. По привычке они сначала провели два часа в библиотеке, а затем вышли поужинать. В ресторанной кабинке, ожидая подачи ужина, Цзян Цзяньмин рассказал Лайану об этом случае как о шутке.

Закончив говорить, он вновь принял серьезное выражение лица:

— Поэтому, даже если кто-то действительно захочет усложнить мне жизнь, я смогу разобраться с этим сам. Вашему Высочеству не нужно слишком обо мне беспокоиться.

Лайан никак не высказал своего отношения к этому. Того молодого господина из семьи Тан он тоже помнил. В первой половине года то и дело ходили сплетни о том, как он бунтует против семьи, но в последнее время, кажется, стал намного послушнее.

Кое-кто судачил, что молодой господин Тан поступил в военную академию и был укрощен новым соседом по комнате. Похоже, слухи оказались правдой.

Но на душе у Лайана стало еще более беспокойно. Он терпел, но не сдержался и глухо спросил:

— Тогда почему ты готов полагаться на Тан Чжэня, но не желаешь позволить мне помочь тебе?

Словно воздух, который долго копился в груди, наконец вырвался наружу. Лайан упрямо уставился на сидевшего напротив курсанта.

Он ценил Цзян Цзяньмина и одновременно испытывал к нему труднообъяснимую жалость. Ему хотелось дать этому человеку больше и лучше — с его статусом и возможностями он мог себе это позволить.

Но Цзян Цзяньмин не принимал его даров.

Несмотря на то, что обычно он вел себя очень бережливо и любил деньги, он отказывался от любых дорогих подарков. Тот личный номер связи он ни разу не набрал по собственной инициативе. А его слова о желании пойти на императорский полигон мехов оставались лишь словами.

Стоило ему самому начать все организовывать, как собеседник тут же с помощью вежливой, но твердой манеры уклонялся от этого.

Он абсолютно ничего не мог поделать с этой мягкой, но стальной рассудительностью и осторожностью. Цзян Цзяньмин словно с помощью почти ледяного расчета удерживал отношения между ними в тех рамках, к которым никто не смог бы придаться.

За исключением принятого разрешения на доступ к третьему этажу библиотеки, подобный чай

или ужин, который не был чрезмерно роскошным, уже являлся пределом того, что Цзян Цзяньмин мог принять.

— Почему?

Как и следовало ожидать, когда тема была открыта, ее оказалось трудно закрыть. Лайан со сложным выражением лица хрипло спросил:

— Ты не доверяешь мне или боишься меня?

— ...

Цзян Цзяньмин моргнул. Через несколько секунд он безошибочно выудил среди баночек с приправами на углу стола маленький флакончик и пододвинул его собеседнику.

— Вы хотите уксуса? Здесь его много.

Лайан рассердился:

— Цзян!

Цзян Цзяньмин не мог перестать смеяться.

Насмеявшись вдоволь, он мягко произнес:

— Вы и Тан Чжэнь — разные.

— В чем разница?

Цзян Цзяньмин опустил веки. Он вертел в пальцах этот маленький флакончик с уксусом и лишь спустя долгое время тихо сказал:

— Скажем так, хотя между мной и молодым господином Таном огромная разница в статусе, я чувствую, что все же могу быть ему чем-то полезен.

— Тогда, когда он ссорился с семьей, буянил и отказывался учиться, я мог провести с ним двенадцать матчей подряд в симуляторе боя, чтобы привести его в чувство. Некоторые дополнительные предметы ему не хватало терпения слушать, с некоторыми знаниями он не сталкивался, и даже в некоторых вопросах человеческих отношений... я в той или иной степени мог ему помочь.

— Тан Чжэнь — человек с чувством справедливости и горячим сердцем. Он не только не презирает дефектных людей, но и всегда защищает и опекает меня. Я, конечно, очень благодарен ему, но в глубине души не чувствую себя его должником.

Цзян Цзяньмин поставил приправу на место и поднял глаза, прямо посмотрев на сидевшего напротив Лайана. Он больше не шутил, а спокойно произнес:

— Я считаю, что мы равные друзья.

— Но маленький принц слишком выдающийся, что же делать... Я тоже очень озабочен этим, у меня почти нет ничего, что я мог бы дать вам.

— Мы не можем быть равными, а неравные отношения слишком хрупкие. Постоянное

ощущение того, что я должен кому-то, лишает меня чувства безопасности.

Лайан внезапно изменился в лице и резко оборвал его:

— Ты не должен...

— Тсс, послушайте меня, дайте мне договорить, — Цзян Цзяньмин прижал указательный палец к губам. — Но при этом мне очень нравится проводить с вами время, и я надеюсь, что эти отношения продлятся подольше... Именно поэтому я проявляю осмотрительность.

— Пойми меня, Лайан, — его взгляд стал очень мягким. — Я хочу приложить усилия, чтобы быть твоим другом.

Лайан долго пребывал в оцепенении.

— ... С тобой невозможно разговаривать.

Именно в этот момент, когда атмосфера застыла, на наручном коммуникаторе Цзян Цзяньмина раздался сигнал вызова.

Лайан до этого от гнета эмоций уже поднялся со своего места, а теперь ему пришлось снова сесть. Он налил себе бокал только что принесенного фруктового чая и осушил его, чтобы сбить жар раздражения.

Он посмотрел на Цзян Цзяньмина, который надел наушник и принял вызов. Выражение лица черноволосого юноши изменилось несколько раз, и в конце концов он перевел взгляд, с большим смущением посмотрев на него.

Но все же ответил собеседнику на том конце провода:

— ...Хорошо, спасибо, я сейчас подойду.

Завершив звонок, Цзян Цзяньмин тихо вздохнул. Он взял свой зонт, поднялся и с чувством вины произнес:

— Ваше Высочество, мне очень жаль, но мне, возможно, придется покинуть вас раньше времени. Прошу прощения.

Лайан тоже протянул ему бокал фруктового чая:

— Проблемы?

— Меня ищет однокурсник. Говорит, что мой друг из-за меня ввязался в драку с кем-то, пойду посмотрю.

Лайан:

— Друг?

Цзян Цзяньмин помолчал и горько ухмыльнулся:

— Это Тан Чжэнь. Я услышал на заднем плане звук его крика на кого-то.

Вспомнишь солнце, вот и лучик — это и вправду оказалось настолько совпадением, что

оставалось только горько ухмыляться. Изумрудные глаза Лайана моргнули пару раз, и он произнес довольно холодным тоном:

— Тан Чжэнь не из тех, кто стал бы обижать дефектных людей. Если он дерется с кем-то, то противник, должно быть, тоже новый человек.

— Ты дефектный кристаллической расы. Когда новые люди дерутся между собой, только недоброжелатели станут звать туда дефектного человека. Того однокурсника, который звонил, ты знаешь? А место? Это ведь за пределами академии?

Цзян Цзяньмин на мгновение замер, но не ответил ни насчет однокурсника, ни насчет места. Он сделал глоток фруктового чая, опустил стеклянный бокал и с долей безысходности произнес:

— Но я не могу не пойти, маленький принц.

Его взгляд стал немного отсутствующим, и он тихо пробормотал про себя:

— Даже если я дефектный человек... разнять драку я ведь всё-таки могу, наверное.

<http://bllate.org/book/18346/2007926>